

DOI: 10.31696/S086919080031285-0

«ГЕРОИЧЕСКАЯ ГИБКОСТЬ» ИРАНА НА ЗАПАДНЫХ БАЛКАНАХ

© 2024

Е.Г. ПОНОМАРЕВА ^а, Е.С. АРЛЯПОВА ^б^а — МГИМО МИД России, Москва, Россия,

ORCID: 0000-0001-8370-85; nastya304@mail.ru

^б — Институт системно-стратегического анализа (ИСАН), Москва, Россия,

ORCID: 0000-0002-8095-7229; elena.s.arlyapova@gmail.com

Резюме: Из-за сходства в культуре и религии Иран считает западнобалканский регион «восточным миром на Западе». И даже в трудных условиях конфронтации с целым рядом ведущих игроков мировой политики и главных бенефициаров балканской региональной повестки Исламской Республике удалось выработать эффективную стратегию проникновения, а затем и сохранения присутствия на Западных Балканах. Конкретно речь идет о таких странах, как Албания, Босния и Герцеговина, частично признанная полиция Косово, Северная Македония, Сербия и Черногория. «Инвестиции» Тегерана на Западных Балканах лежат в области образования и культуры, теологии и философии. Иранская публичная дипломатия максимально опирается на то немного общее, что исторически связывает страну с регионом (найдя ключ даже к использованию турецкого наследия в своих целях), а также формирует новые связи. Многочисленные иранские исследовательские центры и институты в регионе сосредоточены на этой работе более тридцати лет. Внешнеполитические структуры ИРИ расценивают культурную дипломатию как важный фактор принятия решений между странами в различных областях и справедливо полагают, что Тегеран располагает широким литературно-лингвистическим спектром возможностей для продвижения в данном направлении. Аналогичным образом выстраивается иранская стратегия в религиозных вопросах: Тегеран не только экспортирует шиитские знания и революционный исламский дискурс, но также делает попытку интерпретации багажа балканских исламских мистиков как шиитского наследия. Оправдала себя связка активного распространения иранского нарратива в религиозной жизни мусульман, проживающих на Балканах, с фокусом на формировании лояльной ему исламской интеллектуальной элиты. При всей значимости религиозной составляющей отношения Ирана и стран региона выходят далеко за ее рамки. Об этом в равной степени красноречиво свидетельствует как сближение с православной Сербией, так и продолжающийся политический «клинч» с почти единой верной Албанией.

Ключевые слова: Иран, Западные Балканы, иранский нарратив, шиитский дискурс, культурная дипломатия, международные отношения.

Для цитирования: Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. «Героическая гибкость» Ирана на Западных Балканах. *Восток (Oriens)*. 2024. № 4. С. 102–112. DOI: 10.31696/S086919080031285-0

IRAN'S "HEROIC FLEXIBILITY" IN THE WESTERN BALKANS

© 2024

Elena G. PONOMAREVA ^a, Elena S. ARLYAPOVA ^b^a – MGIMO University, Moscow, Russia,

ORCID: 0000-0001-8370-85; nastya304@mail.ru

^b – Institute of System-Strategic Analysis (ISSA), Moscow, Russia,

ORCID: 0000-0002-8095-7229; elena.s.arlyapova@gmail.com

Abstract: Due to the similarities in culture and religion, Iran considers the Western Balkans as the “Eastern World in the West.” Even in difficult conditions of confrontation with many leading actors in world politics and the major beneficiaries of the Balkan regional agenda, Tehran managed to develop an effective strategy for penetrating and maintaining its presence in the Western Balkans. Iranian “investments” are related to the fields of education, culture, theology, and philosophy. Its public diplomacy draws everything possible from the few commonalities that historically connect the country with the region (even finding the key to using the Turkish heritage for its purposes) and keeps forging new ties. Numerous Iranian research centers and institutes in the region have been focusing on this work for over thirty years. Iranian foreign policy structures regard cultural diplomacy as a crucial factor in decision-making between countries in various fields and rightly believe that Tehran has all opportunities to advance in this direction. The Iranian strategy in religious matters is similar: Tehran not only exports Shiite knowledge and revolutionary Islamic discourse but also attempts to interpret the heritage of Balkan Islamic mystics as a Shiite heritage. The combination of the active dissemination of Iranian narratives among the Western Balkan Muslims with a focus on the formation of a loyal Islamic intellectual elite has justified itself. However, the relations between Iran and the Balkan states expand far beyond religious frames: the rapprochement with Orthodox Serbia and ongoing political “clinch” with Albania, a predominantly Muslim country, illustrate that.

Keywords: Iran, Western Balkans, Iranian narrative, Shia discourse, cultural diplomacy, international relations.

For citation: Ponomareva E.G., Arlyapova E.S. Iran’s “Heroic Flexibility” in the Western Balkans. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 4. Pp. 102–112. DOI: 10.31696/S086919080031285-0

Какие бы технологии дегуманизации последние годы ни использовались в отношении Ирана, по факту, внешняя политика страны «основывается на амбициях и представлениях Тегерана о том, откуда исходит угроза. Приоритетным для него является выживание Исламской республики в том виде, в котором она сейчас существует» [Milani, 2009, p. 46]. Реализуя этот подход, руководство страны прежде всего старается оперативно реагировать на угрозы «Большого сатаны» – именно так Р. Хомейни характеризовал США [Buck, 2009, p. 136]. Противостояние и не всегда прямые столкновения интересов и позиций сторон происходят в разных частях мира, в том числе на Балканах. В трудных условиях конфронтации и санкционного давления страна смогла выработать и продемонстрировать «миру новую дипломатию, “героическую гибкость”, предложенную верховным лидером Али Хаменеи, которая открыла новые возможности Ирана во внешней политике» [Хакимов, 2018, с. 88]. К этому следует добавить, что «несмотря на кажущуюся устойчивость и неизменность его современной сущности, Иран обладает огромным цивилизационным опытом и арийско-иранской идентичностью, в случае необходимости выдвигаемыми на первый план» [Ближний Восток, 2020, с. 106].

Цель данной статьи дать картину реализации иранской стратегии сохранения присутствия на Западных Балканах, обрисовать ее контуры, оценить имеющиеся и формирующиеся тренды. Регион интересен для Ирана по целому ряду параметров. Это наличие благодатной почвы для культурного присутствия: ирано-персидские, исламо-шиитские и исламо-суннитские культурно-религиозные коды привлекательны для многих балканских мусульман. В тоже время глобализация, сопровождаемая наложением традиций и ценностей, открывает новые возможности для проникновения в православные страны. Не менее важной для Ирана является возможность сохранить за собой «точку входа» в Европу, расширить санкционные границы. Получается это не всегда, но упорство и умение преодоления Тегераном политических барьеров следует изучать.

ПОЛИТИКА ИРАНА В БОСНИИ: ОТ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ К КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПАНСИИ

Исламская Республика Иран (ИРИ) не относится к числу традиционных внешних игроков на Западных Балканах. Активизация иранской политики в регионе началась с процессов деструкции единого югославского пространства. За последние тридцать с лишним лет наиболее тесными и оформленными стали связи с Боснией и Герцеговиной и Сербией. Обе страны имеют дипмиссии в Тегеране, а он официально присутствует в Белграде и Сараево.

С поддержки боснийских мусульман в 1990-х гг. обычно и начинают отсчет современного присутствия страны в регионе, хотя плотные контакты Сараево с Тегераном были установлены еще в социалистический период. В ходе кровопролитного раздела Югославии вопреки введенному Советом Безопасности ООН эмбарго на поставки оружия воюющим сторонам Иран оказывал военную помощь (людьми и техникой) руководству боснийских мусульман во главе с А. Изетбеговичем [Bardos, 2013, p. 62]. В редком, *ad hoc*, партнерстве с Турцией и Тунисом в июне 1992 г. Тегеран созвал экстренную встречу государств-членов Организации исламского сотрудничества в Стамбуле, на которой и выступил с соответствующим предложением. Эта инициатива была отклонена большинством под руководством Саудовской Аравии (КСА).

Однако «по иронии судьбы, шесть месяцев спустя саудовско-иранское соперничество за панисламистскую ауру привело к аналогичной (но в этом раунде спонсируемой КСА) конференции, созванной в Джидде» [Sheikh, 2003, p. 72]. На этот раз Эр-Рияд поддержал резолюцию, призывавшую к отмене международного эмбарго на поставки оружия боснийским мусульманам.

Босния и Герцеговина (БиГ) – это иллюстрация острой конкуренции за влияние в балканском регионе внутри «исламского треугольника» силы: Тегеран, Эр-Рияд, Анкара. При упоминании о крепких контактах сына первого президента – Б. Изетбеговича с Ираном важно не забывать, что его связи с Саудовской Аравией еще сильнее.

Тем не менее, в Сараево находится самое большое дипломатическое представительство Ирана в Европе. При посольстве действует Иранский культурный центр. Он проводит мероприятия с иранским и шиитским контентом, издает влиятельный журнал «Бехаристан». Главные направления – литература, лингвистика, культура и философия. Журнал выходит два раза в год и распространяется в научных и университетских кругах, культурных и религиозных центрах. В издании задействованы не только иранцы, но также боснийские интеллектуалы.

В стране функционируют еще несколько успешных иранских центров. Высококачественная печать, прекрасного исполнения цифровые ресурсы (например, сайт Фонда Муллы Садры) – узнаваемые продукты их издательско-просветительской работы. Из Сараево иранские структуры транслируют свою активность на Сербию и Хорватию.

В то же время нынешнее присутствие Ирана в Боснии далеко от пиковых значений второй половины 1990-х гг., когда в орбите иранского влияния находился максимально широкий спектр вопросов, связанных с делами этой балканской страны. К 1997 г. у Тегерана было «около двухсот агентов в различных боснийских институтах» [Bardos, 2013, p. 61]. На его территории проходили обучение военные и полицейские БиГ. В дальнейшем Иран уже не имел такого уровня влияния в сфере безопасности и сосредоточился на «гражданской» работе.

Появившись в регионе намного позднее многих других игроков, Иран сумел воспользоваться политической динамикой 1990-х гг. и заявить о себе – конкретно в БиГ. Движение Тегерана к большей роли и влиянию остановили Дейтонские соглашения. Бенефициаром международного протектората ООН из числа исламских игроков выглядела, скорее, Турция, получившая место в Совете по выполнению Мирного соглашения и его руководящем комитете. Значение Ирана для боснийских элит в свете этих событий померкло.

К снижению роли Тегерана массу усилий приложили западные акторы, озабоченные быстрым ростом его популярности. К 1995 г. «исключительно положительно» Иран оценивали 86 % боснийских мусульман (бошняков) [Bardos, 2013, p. 61]. Есть мнение, что «если бы боснийцам предстояло выбирать между ЦРУ и иранцами, то они в любой из дней выбрали бы иранцев» [Cafiero, 2022]. Сегодня же, по данным западных агентств, 80 % бошняков благосклонно оценивают США.

Огромным разочарованием иранцев стало голосование БиГ в Совете Безопасности ООН за ужесточение санкций в отношении Ирана в 2010 г. «Это был первый случай в истории независимой Боснии, когда Тегеран надеялся и ждал солидарности со стороны Сараево» [Vatanka, 2022]. Но его ожидания не оправдались. Далее была высылка иранских советников и дипломатов из БиГ и продолжение дистанцирования под давлением США, ЕС и НАТО.

Тем не менее, и в условиях активного противодействия Иран не оставил своих усилий по дальнейшей, но теперь качественно другой – религиозно-культурной – экспансии. Настойчивость была вознаграждена. В декабре 2022 г. глава боснийского МИД пригласила иранского коллегу в Сараево с визитом. А в ответ на бойкот встречи со стороны представителей боснийских сербов и хорватов министр Б. Туркович заявила: «Иран – наш друг и партнер, а также единственная страна, которая безоговорочно выступает за территориальную целостность и независимость Боснии и Герцеговины. Они поддерживали нас во время обороны и восстановления, за что мы им по-прежнему благодарны» [Turcović, 2022]. Иранская сторона на страницах своих СМИ ответила в том же духе дружбы и партнерства, отметив рост товарооборота между странами и выразив надежду на расширение экономических связей и сотрудничества. Интенсификация контактов для многих стала неожиданностью, поскольку еще совсем недавно утверждалось, что расцвет Ирана в этой европейской стране уже позади.

ДИНАМИКА ИРАНО-СЕРБСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Связи Ирана с Сербией особого рода. В 2017 г. 80-летие отметила история дипломатических отношений между странами (включая время Югославии). Сербский МИД характеризует их как «хорошие, с регулярными контактами между официальными лицами и взаимной поддержкой в международных организациях» [Iran, 2024]. Существенную роль в последнем, конечно, играет непризнание Ираном самопровозглашенного Косово. Принципиальная позиция в данном вопросе оценивается сербами как «дополнительный знак качества» отношений между Тегераном и Белградом. Хотя на уровне общественного сознания цепко хранится память о том, на чьей стороне была Исламская Республика в годы боснийской войны.

В практической плоскости тренд на сближение вылился в либерализацию визового режима вплоть до полной отмены виз в августе 2017 г. ЕС посчитал решение Сербии наградой иранцев «за непризнание своей бывшей провинции». Белград обосновывал свои действия стремлением развить туризм и привлечь долгосрочные инвестиции. В марте 2018 г. после 27-летнего перерыва было возобновлено прямое авиасообщение между Сербией и Ираном. Услуга на фоне либерализации визового режима оказалась чрезвычайно востребована. При запланированном количестве рейсов авиакомпании “Iran Air” дважды в неделю билеты были полностью раскуплены на период до конца лета. Через неделю после начала полетов зашла речь о подключении к работе второго по величине иранского авиаперевозчика “Qeshm Air”.

Но внешнее давление в визовом вопросе было велико. Официальной мотивацией стали соображения безопасности. По данным ЕС, за год действия соглашения возросло число иранцев, ищущих убежища в Сербии: 7000 человек, прибывших в качестве туристов, не имели намерения возвращаться в Иран; в 2018 г. 1100 человек официально попросили убежища [Tehran, 2018]. По мнению экспертов ЕС, иранцы использовали безвизовый режим с Сербией для дальнейшей миграции в Евросоюз.

Под таким натиском безвизовый режим продержался чуть более года. Отмена произошла стремительно: 8 октября 2018 г. сербским правительством было принято решение об отмене визовых договоренностей, на следующий день оно было опубликовано в «Официальном вестнике Республики Сербия», а уже 17 октября вступило в законную силу. Ныне свободный въезд и пребывание предусмотрены только для держателей дипломатических и официальных паспортов. Так жесткая политика ЕС одержала верх и нивелировала проявленную сербами инициативу.

Откат в визовом вопросе снизил интенсивность контактов, но двусторонние отношения продолжили развиваться. В 2019 г. сербские парламентарии посетили Тегеран. Тема встречи – устранение торговых барьеров и активизация экономических связей. В 2020 г. мейнстримом стала пандемия. Актуальную проблематику обсудили сначала главы МИД, а затем и президенты двух стран. Беседа на высоком уровне состоялась в июне 2020 г. В ней прозвучали важные напоминания о том, что Сербия «всегда выступала против введения санкций и давления на Иран», а последний, в свою очередь, сохраняет «независимую позицию по различным международным вопросам и уважает территориальную целостность и суверенитет других правительств и наций» [Iran-Serbia, 2020]. Ранее член кабинета министров Сербии на встрече с новым послом ИРИ в Белграде назвал Иран дружественным государством и выразил уверенность, что в будущем страны будут поддерживать друг друга в большинстве международных вопросов.

В 2021–2022 гг. общение и контакты на высоком уровне продолжились: от взаимных поздравлений с национальными и религиозными праздниками до подписания документов о сотрудничестве в ходе визита главы МИД Сербии в Тегеран. Однако главным событием стало неприсоединение сербов к европейским ограничительным мерам в отношении Ирана в июне 2022 г. Действия Белграда вызвали информационную бурю в Брюсселе.

Эксперты ЕС заговорили о том, что страна «подбирается опасно близко к блоку авторитарных и агрессивных режимов» (имея в виду Москву и Тегеран) и «поворачивается спиной к своим западным партнерам» [Dragaš, 2022]. Раздражение усиливалось тем, что практически одновременно с введением европейских рестрикций против Ирана Сербская торговая палата принимала участников совместного бизнес-форума.

Развитие взаимодействия в экономической плоскости постоянно присутствует в актуальной повестке, но результаты совместных усилий остаются весьма скромными. В 2019 г. товарооборот между странами был на уровне 35 млн евро со значительным пре-

обладанием импорта для сербской стороны: 8259 млн и 26239 млн соответственно [Iran, 2024]. Экспортировала Сербия бумагу и картон, запчасти для железнодорожного транспорта, инструменты, кукурузу, семена подсолнечника. А ввозила преимущественно полимеры, нефтяные масла и битум, стекло и сухофрукты. В 2021 г. торговый оборот двух стран достиг 50 млн долл. [Serbia Fails, 2022], что, по ироничному замечанию критиков, равно семидневной торговле с соседней БиГ. Достигнутый объем – это рост в 115,2 % к 2020 г. и единственное, чем отмечено торгово-экономическое сотрудничество на данном этапе.

Отсутствие внятного экономического обоснования дает повод для критики противникам сближения Сербии с Ираном и, вообще, отклонения ее от западного курса. Ирано-сербский форум вместо поддержки санкций или «частые визиты» в Белград высокопоставленных иранских чиновников без «какого-либо видимого содержания» [Dragaš, 2022] скептики относят к «дипломатическим просчетам и демаршам». В 2022 г. острейшей критике подверглись визиты замглавы МИД Ирана и самого министра в Белград, а также беседа президентов двух стран на полях заседаний Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке.

По мнению оппозиции, бенефициаром двусторонних отношений является Тегеран. Непризнание независимости Косово – спорный и пока единственный политический итог и одновременно ресурс в его отношениях с Белградом. Имиджевые потери Сербии при этом чрезвычайно высоки. Дополнительный ущерб репутации страны наносят «внутренние» встречи на ее территории главы иранского МИД с иранскими послами в европейских столицах [Mikovic, 2022]. Такая «площадка» в условиях санкций и ограничений на поездки официальных лиц – несомненно, помощь в работе для внешнеполитического ведомства Тегерана.

Не только Сербия, но и Балканы вообще, для Ирана (как для Турции и Китая, например [Arlyarova, Ponomareva, 2023]) «точка доступа в Западную Европу и путь продвижения его региональных политических и экономических интересов» [Salami, 2023]. Страна находится в постоянном поиске идей и форм возможного сотрудничества. Относительно успешными можно назвать усилия Ирана в БиГ, Северной Македонии, и, особенно, в Сербии. Торговые показатели – 20,6 млн, 7,8 млн и 5 млн долл. на 2017 г. [Salami, 2023] соответственно и коэффициенты влияния (0,05 – Скопье, 0,07 – Белград на 2016 г. [Rrustemi et al., 2019, p. 78]) говорят об этом. Однако и перечисленные страны, и балканский регион имеют очень низкую зависимость от экономического партнерства с Тегераном.

ИРАНСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В СЕВЕРНОЙ МАКЕДОНИИ, ЧЕРНОГОРИИ И ПОЛИТИИ КОСОВО

Несмотря на подписанный с Ираном Меморандум об экономическом сотрудничестве, Северная Македония как новый член Североатлантического альянса занимает предельно осторожную позицию, чтобы не расстраивать своих союзников по НАТО, а главным образом, Соединенные Штаты. До формального вступления в альянс контакты между Скопье и Тегераном были более плотными, а намерения по экономической кооперации – более определенными. По мнению иранской стороны, частный бизнес двух стран мог совместно производить товары с последующим экспортом в третьи страны, а Македония могла «стать шлюзом для выхода иранской продукции на балканский рынок» [Skopje Hosts, 2018]. Этим намерениям не суждено было сбыться, и Ирану пришлось довольствоваться сферой религии и отчасти медиа-коммуникаций в качестве канала проникновения и присутствия в стране.

О стремлении наращивать экономическое взаимодействие с Ираном заявляла в свое время Черногория. Но пока звучащие из года в год (чаще всего по случаю вручения ве-

рительных грамот) слова обеих сторон о готовности к укреплению двусторонних связей и отношений в области экономики, энергетики, промышленности и туризма остаются риторикой. Контакты между странами поддерживаются на не интенсивной, но регулярной основе: встречи, поздравления. Посол Черногории в ИРИ дислоцируется в Анкаре, а граждане получают визовое обслуживание в Белграде.

В экономической сфере данных немного. За одиннадцать месяцев 2021 г. товарооборот между странами составил 1242078 евро, львиная доля из которых – 1236438 евро – это импорт в Черногорию; статья «экспорт» – это 5640 евро [Iran-Montenegro, 2024]. Данных по иранским инвестициям за предыдущие годы нет. Как нет статистики по туристам из Ирана.

Что касается Косово, то, как уже отмечалось, ИРИ не признает его независимость. Причиной тому не ирано-сербское сближение. Иран видит Косово как «американский проект», подтверждение чему находит в мощнейшей военной базе США на его территории. Непризнание Ираном политики с мусульманским большинством вызвало едкие замечания со стороны США и Израиля. Под сомнение ставилась иранская приверженность исламской солидарности, и утверждалось, что, сталкиваясь с выбором между своим революционным видением и государственными интересами (как в случае с Косово), «Иран обычно отдаст предпочтение последнему» [Zimmt, 2008].

При сохранении позиции непризнания, Тегеран не избегает попыток усиления присутствия и влияния. Его взаимодействие с местным населением ожидаемо строится на религиозном и идеологическом фундаменте: распространяются переводные религиозно-политические трактаты и иная шиитская литература, издаются журналы для исламского просвещения косоваров. В контексте неурегулированных отношений Косово с Сербией обращает на себя внимание факт осуществления Ираном своей деятельности из сербской столицы, а именно – Иранского Центра культуры при посольстве в Белграде. Кстати, популярный в мусульманских кругах журнал «Нур» начинал издаваться на сербском языке, а четыре его номера были опубликованы на албанском. Важно, что этот журнал иранцы «рассылали каждому текке¹, каждому шейху, а также мусульманским интеллектуалам... В отличие от простых и популярных выступлений религиозных лидеров косовских мечетей и теккешей, дискурс иранских богословов казался более изощренным и более философски сформулированным» [Bercolli, 2021, p. 8]. Но, несмотря на некоторый интерес, отношение к шиитскому нарративу в Косово скорее спокойно-прохладное.

Деятельностью на благо иранского влияния в Косово в разное время занимались многочисленные гуманитарные организации: инициировались курсы по изучению и преподаванию Корана, проводились мероприятия по организации шиитской общины в городе Призрен. Целевой аудиторией во всех случаях выступали текки и дервиши Косово.

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ИРАНА НА АЛБАНСКОМ «ФРОНТЕ»

Наиболее сложными видятся отношения Ирана и Албании. В сентябре 2022 г. албанский премьер Э. Рама обратился к согражданам с сообщением о том, что 15 июля страна стала объектом массовой кибератаки на цифровую инфраструктуру правительства Албании с целью ее уничтожения, а также парализации государственных служб. К расследованию серии этих инцидентов Албания привлекла американские компании Mandiant и Microsoft. Выводы в отчетах нанятых организаций состояли в том, что за отключением веб-сайтов и сервисов правительства Албании стояли иранские госструктуры.

¹ Текке – обитель, приют для суфиев, дом. В целом равнозначна персидской «ханаке», сирийской «завии» и арабскому «рибату».

Эксперты полагали, что атака была мстью албанскому правительству за укрывательство представителей запрещенной в Иране оппозиционной группировки Моджахеддин-э-Хальк, дислоцирующихся в Манезе на западе Албании [Zaimi, 2022]. Что касается технической стороны, то первоначальный доступ к госсетям Албании был получен примерно за 14 месяцев до совершенной атаки и далее постоянно поддерживался.

Албанское правительство посчитало приведенные сведения «неопровержимыми доказательствами» того, что кибератака на страну была организована ИРИ. В итоге 7 сентября 2022 г. Тирана разорвала дипломатические отношения с Тегераном.

МИД Ирана, в свою очередь, выступил с заявлением, осуждавшим антииранские действия. Страна отвергла предъявленные обвинения в кибератаке. И в ответ обвинила «третьи стороны» («страны-подстрекатели») в фабрикации улик.

Безусловно, США как центр силы выступают ориентиром в «иранском вопросе» для большинства балканских стран. Именно этот фактор определяет характер и качество ирано-албанских отношений на современном этапе. Можно сказать, что Албания сменила на этом посту БиГ как в смысле близкого союзничества с США, так и (почти автоматически) «передовой линии» столкновения Запада с Ираном. Напряжение в отношениях между странами существует с 2013 г., когда Тирана по просьбе США приняла у себя членов упомянутой выше Организации моджахедов иранского народа (ОМИН; она же Моджахеддин-э-Хальк). Инвестиции Албании в западное будущее приносят дивиденды в виде полной и безоговорочной поддержки со стороны Вашингтона, но вместе с тем они сопряжены с высокими рисками, поскольку страна по факту стала активно используемым инструментом американской политики давления на Тегеран.

В информационном поле на Албанию сыпались не только обвинения в соучастии в американо-израильской киберкампании против Ирана, но и угрозы: «Иран имеет в своем распоряжении беспилотники-смертники и боевые беспилотники, уклоняющиеся от радаров и способные преодолеть расстояние значительно большее, чем от Ирана до Албании, и поразить цель» [Vatanka, 2022]. Такая эскалация сегодня видится маловероятной. Но, как и везде на Балканах, здесь много переменных, не зависящих от локальных участников.

При этом Албания остается традиционным направлением приложения сил иранской культурной дипломатии. Ее организации и фонды действуют в стране с 1995 г. Центральным, образующим нужные связи, является журнал “Perla”. Начало сотрудничеству было положено публикациями поэтического творчества албанских авторов времен Османской империи, писавших на персидском языке. Исламская тематика используется максимально широко: функционируют фонды, образовательные учреждения (в т.ч. религиозные школы для девочек), распространяется ирано-шиитский религиозный нарратив. Причем, в Албании изначально, в отличие от других балканских стран, присутствовала потенциально восприимчивая к нему аудитория – бекташи². Но, невзирая на это, продвижение иранской и шиитской тематики столкнулось с выраженным неприятием именно в этой части Балкан. Из-за медленного прогресса Тегерану пришлось менять тактику и делать ставку на ту же работу через местные организации. В свое время Иран имел доступ к албанским каналам общественного вещания.

Однако внешние обстоятельства сложились таким образом, что для всех «балканских правительств дихотомия не могла быть более четкой. Запад предлагал материальные выгоды, такие как членство в НАТО и ЕС, в то время как Иран продолжал слабесть из-за

² Бекташи – суфийский орден, основанный Хаджи Бекташи в XIII в. Близок к шиизму, содержит элементы христианства. Распространен был в Турции, Албании и Боснии в среде перешедших в ислам христиан. Применительно к Албании, немногочисленная от общей массы населения группа (около 2 %) весьма заметна численно в исламской среде (около 25 % мусульман).

санкций и международной изоляции. И западные государства постарались дать понять, что любая балканская страна, предоставившая Тегерану оперативную платформу, будет нести ответственность за любые действия Ирана, направленные против интересов Запада» [Bercolli, 2021, p. 10].

С учетом этого, в планировании взаимодействия с балканскими столицами Иран вынужден, прежде всего, руководствоваться собственным положением в системе мировых координат, а также соотносить планы и практические шаги с позицией и действиями более мощных внешних сил.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ирану труднее, чем другим внешним игрокам, продвигать интересы на Балканах. Страна не располагает с ними общим наследием, а ее инструментарий для достижения целей куда меньше, чем у любого из интересантов балканской повестки. Режим санкций, постоянное международное давление плюс зависимость локальных игроков от ведущих внешних сил – оставляют мало места для маневра.

Не на пользу иранскому влиянию идут внутрисламские различия между шиитами (Иран) и суннитами (Балканы). Но говорить о маргинальном положении страны в регионе, на наш взгляд, рано. Иран был и остается «автором» Исламской революции 1979 г., оказавшей огромное влияние на развитие ислама, мировой уммы в целом, и отдельных мусульманских сообществ, коих на Западных Балканах великое множество, а также исламского уммаизма, «основанного на идее исламской уммы с ее солидарностью, но без претензий на создание соответствующей глобальной государственности» [Наумкин, 2022, с. 20].

Иранские официальные лица и эксперты считают балканский регион «восточным миром на Западе» [Salami, 2023] из-за сходства в культуре и религии. Тегеран умело использует эту специфику. Его «инвестиции» на Западных Балканах лежат в области образования, культуры, теологии и философии. В этом движении ИРИ максимально опирается на то немногое общее, что исторически связывает с регионом, например, фарси: будучи одним из языков Османской империи, ныне он служит ключом к использованию Ираном турецкого наследия на Балканах.

Многочисленные иранские исследовательские центры и институты в регионе много лет занимаются популяризацией богатого литературного массива времен империи, написанного на персидском языке. Широкой общественности балканских стран эти труды подаются «в качестве общих культурных аспектов между Ираном и Балканами» [Bercolli, 2021, p. 14]. Есть и объективное общее: например, более 1700 персидских слов используется в боснийском языке сегодня, а персидский Новый год – Навруз – отмечается в Боснии и Герцеговине и Албании.

Иран серьезно подходит к вопросу использования культурной дипломатии, рассматривая это направление как важный фактор принятия решений между странами в различных областях. Внешнеполитические структуры ИРИ исходят из того, что «среди культурных элементов внешней политики языковые и литературные факторы являются наиболее эффективными для реализации других национальных целей» [Zolfaghari, Gholamali, 2022, p. 170].

Аналогичным образом выстраивается стратегия Ирана в религиозных вопросах. Будучи одним из признанных центров силы исламского и ядром шиитского мира, Тегеран не только экспортирует шиитские знания и революционный исламский дискурс, но пытается интерпретировать багаж балканских исламских мистиков как шиитское наследие. Активное распространение иранского нарратива в религиозной жизни балканских мусульман способствует «присвоению» суфийского направления в регионе.

Отдельное направление – формирование лояльной исламской интеллектуальной элиты. Переводческая и публикационная активность вкупе с открытием многочисленных образовательных и исследовательских центров (и колледжей) удачно сочетаются с притязаниями Ирана на создание отличительного философско-религиозного дискурса. Общая конъюнктура в мусульманском мире складывалась благоприятно для выбранной тактики: предсказывали, «что XXI столетие войдет в историю ислама как век шиитов», хотя «подъем шиитского активизма... не приведет к принципиальному изменению соотношения сил во всем мусульманском обществе» [Мирский, 2006, с. 126, 136]. Это хорошо видно на балканском примере. Шииты остаются в численном меньшинстве, хотя отдельные случаи перехода из суннитов фиксируются в Косове, Македонии и Албании [Pew Forum, 2009].

Таким образом, не являясь на данном этапе влиятельным политическим игроком в регионе, сдерживаемый в других ключевых сферах «мягкой силы» (прежде всего, экономической), Тегеран концентрируется на собственном (и не только) религиозном и культурном наследии в новом, прикладном качестве. На службу культурной дипломатии поставлены древняя персидская цивилизация, праздник Навруз, персидский язык и литература, ислам и шиизм. Практические результаты этой политики в настоящее время трудно оценить, поскольку идеологическая, религиозная и культурная сферы хуже поддаются измерению. Пока в разного рода «срезах» общественного мнения, материалах СМИ и публичной риторике не наблюдается «прорывных» положительных реакций на Иран и его деятельность в регионе (таких, как в адрес Турции [Арляпова, Пономарева, 2023]) ни, в целом, ни со стороны отдельных балканских стран. Однако в долгосрочной перспективе рост влияния Ирана вполне возможен, и рядом внешних игроков на Балканах это, безусловно, будет расценено как угроза. Но как бы ни оценивали Иран его западные оппоненты, современные иранские политики продолжают работать в парадигме «героической гибкости». Не исключено, что именно на Балканах она найдет свое подтверждение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Арляпова Е.С., Пономарева Е.Г. Турция на Западных Балканах сегодня: цифры и оценки. *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67. № 8. С. 110–120 [Arlyapova E., Ponomareva E. *Turkiye in the Western Balkans Today: Numbers and Estimates. World Economy and International Relations*. 2023. Vol. 67. No. 8. Pp. 110–120 (in Russian)].

Ближний Восток: Политика и идентичность. Под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект-Пресс, 2020 [The Middle East: Politics and Identity. I.D. Zvyagelskaya (ed.). Moscow: Aspekt-Press, 2020 (in Russian)].

Мирский Г.И. Шииты в современном мире. *Россия и мусульманский мир*. 2006. № 4. С. 125–138. [Mirsky G.I. Shiites in the Modern World. *Russia and the Moslem World*. 2006. No. 4. Pp. 125–138 (in Russian)].

Наумкин В.В. Мусульмане и арабы: две уммы. *Восток (Oriens)*. 2022. № 1. С. 6–22 [Naumkin V.V. The Muslims and the Arabs: Two Ummas. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 1. Pp. 6–22 (in Russian)].

Хакимов А.Ш. «Героическая гибкость» – новая внешнеполитическая доктрина Ирана. *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. № 54. С. 86–89 [Hakimov A.S. “Heroic Flexibility” is a New International Political Doctrine of Iran. *Tomsk State University Journal of History*. 2018. No. 54. Pp. 86–89 (in Russian)].

Arlyapova E., Ponomareva E. Western Balkans: External Actors Before and During the Current Crisis. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2023. Vol. 23. No. 4. Pp. 678–688.

Bardos G.N. Iran in the Balkans: A History and a Forecast. *World Affairs*. 2013. Vol. 175. No. 5. Pp. 59–66.

Bercolli L. Iran’s Cultural Hegemony in Western Balkans. *IRAM*. 2021. https://iramcenter.org/uploads/files/IranYs_cultural_hegemony_in_Western_Balkans.pdf (accessed: 12.01.2024).

Buck Ch. *Religious Myths and Visions of America: How Minority Faiths Redefined America’s World Role*. Westport: Praeger, 2009.

- Cafiero G. In the Rearview Mirror: The Case of Iranian Influence in Bosnia. *Gulf International Forum*. 2022. <https://gulffif.org/in-the-rearview-mirror-the-case-of-iranian-influence-in-bosnia/> (accessed: 12.01.2024).
- Dragaš O. Serbia's Dangerous Liaisons. *Euractiv*. 2022. <https://www.euractiv.com/section/enlargement/opinion/serbias-dangerous-liaisons/> (accessed: 12.01.2024).
- Iran. Bilateral Relations. *Ministry of Foreign Affairs of Republic of Serbia*. 2024. <https://www.mfa.gov.rs/en/foreign-policy/bilateral-cooperation/iran> (accessed: 18.01.2024).
- Iran-Montenegro. *Government of the Republic of North Macedonia*. 2024. <https://www.gov.me/en/diplomatic-missions/diplomatic-missions-to-montenegro/iran> (accessed: 08.01.2024).
- Iran-Serbia Ties Should Remain Unaffected by US Sanctions: President. *IFP Editorial Staff*. 2020. <https://ifpnews.com/iran-serbia-ties-should-remain-unaffected-by-us-sanctions-president/> (accessed: 14.01.2024).
- Mikovic N. Serbia Tests Europe with Warming Iran Relations. *The Arab Weekly*. 2022. <https://the-arab-weekly.com/serbia-tests-europe-warming-iran-relations> (accessed: 14.01.2024).
- Milani M.M. Tehran's Take. Understanding Iran's U.S. Policy. *Foreign Affairs*. 2009. Vol. 88. No. 4. Pp. 46–62.
- Pew Forum on Religion & Public Life. 2009. <https://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2009/10/Shiarrange.pdf> (accessed: 15.01.2024).
- Rustemi A., de Wijk R., Dunlop C., Perovska J., Palushi L. *Geopolitical Influences of External Powers in the Western Balkans*. 2019. https://hcss.nl/wp-content/uploads/2021/01/Geopolitical-Influences-of-External-Powers-in-the-Western-Balkans_0.pdf (accessed: 16.01.2024).
- Salami M. Iran's Pursuit of Soft Power in the Balkans. *The Cradle*. 2023. <https://thecradle.co/article-view/21690/irans-pursuit-of-soft-power-in-the-balkans> (accessed: 16.01.2024).
- Skopje Hosts Iran-Macedonia Business Forum. *Financial Tribune*. 2018. <https://financialtribune.com/tags/iran-macedonia-relations> (accessed: 14.01.2024).
- Serbia Fails to Join New EU Sanctions Against Iran. *Euractiv*. 2022. https://www.euractiv.com/section/politics/short_news/serbia-fails-to-join-new-eu-sanctions-against-iran/ (accessed: 14.01.2024).
- Sheikh N.S. *The New Politics of Islam. Pan-Islamic Foreign Policy in a World of States*. London, New York: Routledge Curzon, 2003.
- Tehran, Belgrade Resume Direct Flights after 27 Years. *IFP Media Wire*. 2018. <https://ifpnews.com/tehran-belgrade-resume-direct-flights-after-27-years/> (accessed: 15.01.2024).
- Turcović Nakon Sastanka sa Abdollahianom: Zamislite da sam se Pokrivena Obratila. *NI BiH*. 2022. <https://n1info.ba/vijesti/turkovic-nakon-sastanka-sa-abdollahianom-zamislite-da-sam-se-pokrivena-obratila/> (accessed: 14.01.2024).
- Vatanka A. Albania Finds Itself Caught in the Middle as Iran and the West Square off. *Middle East Institute*. 2022. <https://mei.edu/publications/albania-finds-itself-caught-middle-iran-and-west-square> (accessed: 16.01.2024).
- Zaimi G. Iran's Balkan Front: The Roots and Consequences of Iranian Cyberattacks Against Albania. *Middle East Institute*. 2022. <https://www.mei.edu/publications/irans-balkan-front-roots-and-consequences-iranian-cyberattacks-against-albania> (accessed: 12.01.2024).
- Zimmt R. Iran's Reaction to Kosovo's Declaration of Independence. *Iran Spotlight*. March, 2008. https://en-humanities.tau.ac.il/iranian/publications/irans_pulse/2008-10 (accessed: 12.01.2024).
- Zolfaghari M., Gholamali A. The Components and Capacities of Persian Language in Iranian Cultural Diplomacy. *Journal of Iranian Studies*. 2022. Vol. 21. No. 41. Pp. 169–203.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Elena G. PONOMAREVA, DSc (Political Science), Professor, MGIMO University, Moscow, Russia.

АРЛЯПОВА Елена Сергеевна – кандидат политических наук, научный сотрудник Института системно-стратегического анализа (ИСАН), Москва, Россия.

Elena S. ARLYAPOVA, PhD (Political Science), Research Associate, Institute of System-Strategic Analysis (ISSA), Moscow, Russia.